Отзыв официального оппонента о диссертации Юлии Владиславовны Колиненко «Сербская православная церковь в 1878-1920 гг.: национальная идеология и политическая практика», представленная на соискание степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 «Всеобщая история».

Диссертация Ю. В. Колиненко посвящена ключевому сюжету в истории Сербии конца XIX-начала XX вв., а именно истории церкви в ее связи с политической историей. Церковь играла важную роль в истории балканских народов Нового времени. В османский период церковная политика, будучи единственным законным средством для христианских народов добиваться своих целей, замещала собой политику национальную. Такая исключительная роль церкви коренилась в османской системе миллетов, внутренней автономии немусульманских народов, основанной на религиозном принципе. Эта система сохранилась с незначительными изменениями до середины XIX в., когда подверглась реформации в ходе Танзимата; однако окончательное ее упразднение наступило лишь с созданием нового Турецкого государства после Первой мировой войны. Таким образом, церковь являлась не просто орудием национально-освободительных движений балканских народов, но и главной движущей силой этих движений. В то же время церковь неминуемо становилась объектом политических махинаций и влияния со стороны заинтересованных сторон, ---собственных политиков, великих держав и османских властей. Это сложное переплетение взаимодействующих сил у разных балканских народов получало различное практическое воплощение. В Греции провозглашение церковной автокефалии произошло под иностранным давлением уже после создания независимого государства и привело к прекращению канонического общения с Константинопольской патриархией до 1850 г.; в Румынии церковная автокефалия также была объявлена практически одновременно с созданием объединенного государства и была признана Константинополем лишь 20 лет спустя; в Болгарии автокефалия была получена благодаря султанскому фирману 1870 г., предшествовала образованию независимого княжества и привела к схизме, которая была снята Константинополем лишь в середине XX в. В Сербии борьба за государственную и церковную независимость шла параллельно, однако не имела каких-либо катастрофических последствий для церковного мира. Напротив, в отличие от болгар, сербы всегда сохраняли с Константинополем мирные отношения.

Тема исследования и хронологические рамки диссертации выбраны очень удачно: нижняя граница—это окончание русско-турецкой войны и Берлинский трактат, положившие начало нового периода в истории Балкан, а верхняя—конец Первой мировой войны, создание королевства Югославии и начало принципиально иной исторической эпохи в истории юго-восточной Европы. Во введении (с. 4-24) представлена библиография работ по теме диссертации и круг использованных автором источников. Судя по тексту введения, тема достаточно хорошо изучена с сербской стороны и гораздо менее представлена в отечественных исторических трудах; заполнить эту лакуну

ипризвана настоящая диссертация. Здесь же автор представляет круг используемых ею в диссертации источников (архивных и опубликованных), формулирует основные принципы и методологическую основу своего исследования, цели и задачи работы.

В главе 1 «Внешнеполитическое положение Сербской православной церкви в 1878-1920 гг.» (с. 25-73) прослеживается история Сербской церкви до 1878 г. в связи с внешнеполитическими обстоятельствами: это «Конкордат» 1832 г. о даровании автономии с выплатой денежных взносов в пользу Константинопольской патриархии, борьба за окончательное отделение от Константинопольской патриархии после Берлинского конгресса. После подробного изложения хода переговоров сербских дипломатов с патриархом ИоакимомIII, автор делает резкий скачок к ситуации после Балканских войн, когда решался вопрос об условиях перехода новоприсоединенных сербских провинций под власть Сербской церкви. Наконец, здесь же рассмотрен процесс объединения разрозненных церковных областей в ходе Первой мировой войны и провозглашение Сербского патриархата.Отметим мимоходом, что литература о патриархе Иоакиме и его отношении к Сербской церкви отнюдь не исчерпывается перечисленными в сноске 61 на с. 60.

Во второй главе «Правовое и юридическое положение Сербской православной церкви в середине XIX-начале XX вв.» (с. 74-107) автор прослеживает путь, пройденный Сербской церковью от Сретенского устава 1835 г. до Наместнического устава 1869 г., который определял место церкви в государстве просуществовал около 50 лет, до создания Югославянского королевства. Особого внимания заслуживает заключительная статья устава, запрещавшая сербским архиереям вести самостоятельную переписку с представителями иностранных церквей, что фактически ставило церковь в международном отношении в полную зависимость от светской власти. Аналогичную ситуацию можно наблюдать во всех новообразованных балканских государствах XIX в., -- церковь была лишена самостоятельности и во внешней политике была полностью подчинена видам правительства. При наличии формально православного, но далеко не всегда защищавшего интересы церкви правительства, церковь должна была неминуемо либо служить интересам государства, либо вставать на путь конфликта с ним.

При анализе положения приходского духовенства диссертант специально останавливается на вопросе о жаловании священству. В Сербии, как и в других балканских странах, приходской священник не получал от государства жалования, что нередко приводило к злоупотреблениям и вымогательствам. Аналогичные дискуссии велись на протяжении XIX в. в Греции и России, где постоянное жалование приходскому духовенству от государства так и не было введено. Особеннный характер приобретали эти дискуссии в Константинопольском патриархате, где введение жалования со стороны Османского государства встретило энергичный протест церкви, справедливо рассматривалось как шаг к ограничению церковной самостоятельности, и могло привести в дальнейшем к конфискации церковных имуществ.

Некоторые вопросы церковной дисциплины, которые отмечает Ю. В. Колиненко в своей диссертации, становились предметом рассмотрения на межцерковном уровне. Так, например, вопрос о втором браке для вдовых священников, который обсуждался в Сербии в 1875 и 1882 гг., привлек внимание и Российского Св. Синода, который, впрочем, давал

на него однозначно отрицательный ответ. В этой главе, равно как и дальнейших частях своего исследования диссертант пытается объяснить еще одно явление сербской церковной и общественной жизни—крайнюю демократизациювнутрицерковных отношений, приводящую к неуважению духовенства к архиереям и возникновению бунтарских настроений среди священников. Ответ, на наш взгляд, заключается не только в «сербском менталитете» и отсутствии, в отличие от России, классовой замкнутости духовного сословия. Для того, чтобы дать более взвешенный ответ на этот вопрос, необходимо сравнение сербского духовенства с болгарским и греческим, и особенно изучить различие в поведении народа и духовенства на османской территории и в пределах молодых независимых государств. До сих пор открытым и требующим дополнительного изучения остается вопрос о причинах падения религиозности населения Болгарии и Сербии в конце XIX-XX вв. и сохранении высокого ее уровня среди греческого населения как в Греческом королевстве, так и в Турции.

Следствием общего упадка религиозности был и крайний кризис монашества, падение его нравственного уровня и элементарная нехватка людей в монастырях. Это привело, между прочим, к одной весьма примечательной странице сербско-русских церковных связей рубежа XIX и XX вв.—передаче исторической Дечанской лавры в Старой Сербии русским афонским монахам. Данный сюжет, ставший темой одной монографии (Д. Батаковича) и нескольких статей, к сожалению, не прозвучал в диссертации. Между тем он является еще одной яркой иллюстрацией религиозного состояния сербского общества, а те меры, которые предпринимало сербское государство и церковь в отношении Дечанской лавры как символа нации, представляют собой наглядное проявление сербской политики в европейской Турции.

Следующая, 4-я глава (с. 133-216) посвящена взаимоотношениям церкви и государства. Почти не затрагивая предысторию вопроса, византийские теории «симфонии властей», которые были целиком восприняты на сербской почве в Средние века, автор сразу переходит к анализу отношений Нового времени и останавливается на сравнении положения в Русской церкви петровского и послепетровского времени. К опыту Русской церкви неоднократно обращались и представители других новообразованных автокефальных церквей; более того, секулярные реформы в балканских государствах нередко проводились после или одновременно с перепиской с Русским Св. Синодом, и в дальнейшем следовали постоянные обращения к российскому опыту.

Активное участие духовенства не только в вооруженной борьбе за свободу, но и партийной политике—еще одна характерная черта сербской, да и вообще балканской церковной истории, что ярко показано диссертантом на много численных примерах. Наиболее известным проявлением этой борьбы стало знаменитое дело митрополита Михаила, воспитанника Киевской духовной академии, который открыто выступил против австрофильской политики Милана Обреновича, нашел прибежище в России, а потом снова возвратился на сербскую кафедру (параграфы 3-4, с. 150-164). Рассматривая историю Сербской церкви после Михаила, Ю. В. Колиненко приходит к заключению, что «в результате государственной политики, к началу XX в. сербская церковь не представляла самостоятельной политической силы» (с. 199). Упадок религиозности, падение авторитета духовенства, стремление церкви к сохранению своего положения как стержневой структуры нации и государства с одной стороны, и борьба государства за

секуляризацию образования и общественной жизни и ограничение власти церкви с другой—вот основные тенденции церковно-государственных отношений Сербии в изучаемый диссертантом период. Попытки законодательным путем уладить противоречия, проводившиеся в конце XIX-начале XX в., не привели к успеху, и диссертант делает вывод, что Сербская церковь так и не смогла выйти за рамки средневековых представлений о «симфонии властей» и по-новому взглянуть на взаимоотношения с государством.

Обращаясь в следующей главе к церковно-национальнымосновам существования христиан в Османской империи (глава 5 «Сербская церковь как проводник национальной идеологии», с. 217-268), автор диссертации кратко говорит о зарождении и развитии национализмана Балканах, чему, по ее мнению, способствовала сама система миллетов. Впечатляющий анализ народной религиозности сербов рубежа XIX и XX вв. (с. 220-228) сделан автором на основе свидетельств очевидцев, путешественников, официальных и полуофициальных донесений, заимствованных какиз сербских, так и русских источников.Несмотря на низкий уровень религиозности, сербы не мыслили себе свое государство без церкви; напротив, церковь являлась стержнем национальной идеологии. Важнейшая роль, которую сыграла церковь в истории Сербии, заключалась в формировании идеологии, неразрывно связанной с православием, отождествление национальной идеи с православием («святосаввие» Николая Велимировича). Культ Св. Саввы, празднование славы, Видовдан—эти краеугольные камни сербского национального менталитета-- нашли свое подробное рассмотрение в рецензируемой нами работе. Диссертант приводит многочисленные свидетельства проявления сербского национализма со стороны деятелей церкви, особенно во время важных переломных моментов, таких как Балканские войны. В итоге Ю. В. Колиненко приходит к важным и совершенно, на наш взгляд, правильным выводам: Приняв сербскую мифологию в качестве национальной идеологии, государство охотно воспользовалось услугами церкви, видя в ней важный фактор сплочения нации. Однако идеология, связанная с церковью как носителем сербского национализма, явилась причиной неосуществимости концепции югославизма. Парадигма идентификации нации по религиозному, а не языковому и культурному аспекту привела к этнической отгороженности православных сербов (с. 260-261).

Заключение (с. 269-280) подводит итоги исследования; в нем автор еще раз излагает основные выводы, сделанные ею в ходе работы. Завершает диссертацию грамотно составленный список источников (архивных и опубликованных) и литературы, отечественной, сербской и иностранной. Помогает чтению работы словарь терминов. В качестве приложения к диссертации Ю. В. Колиненко представляет тексты основных документов по истории Сербской церкви изучаемого периода.

В целом диссертация Ю. В. Колиненко является самостоятельным, зрелым и вполне законченным исследованием. Автор логично выстроила свою работу, начиная с сюжетов, касающихся правовых оснований Сербской церкви, ее места в политике государства и взаимоотношений с государством, и затем переходит к исследованию церкви уже как инструмента политики и ее роли в национальном самосознании сербского народа. Производит впечатление широта источниковой базы диссертации, особенно документов из сербских архивов и тщательно проработанная сербская периодика. Выводы

из диссертации являются логичными, продуманными и вполне соответствующими как заявленным во введении целям и задачам работы, так и смыслу проведенного исторического анализа материала. Диссертация написана хорошим литературным языком.

Вместе с тем работа Ю. В. Колиненко не свободна от некоторых недостатков. Из российских архивов использованы только документы двух фондов Св. Синода из РГИА. Отсутствие материалов важнейшего для темы диссертации архива внешней политики Российской империи, к сожалению, значительно обедняет работу (впрочем, здесь, по всей видимости, нет вины автора диссертации, так как АВПРИ в последние годы был закрыт). Между тем то, что диссертант не использует в своей работе ни один документ из ГАРФа, уже вызывает некоторое недоумение. Неужели в этом богатейшем архиве не нашлось источников по истории Сербии? К сожалению, Ю. В. Колиненко практически не обращалась к русской церковной и гражданской периодической печати изучаемого ею периода, где было опубликовано множество статей, репортажей и аналитических обзоров по Сербии и особенно по Сербской церкви. Не видно в диссертации и критического анализа сербской историографии вопроса: ведь сербская, как и все другие балканские историографии, до последнего времени страдали крайней предвзятостью и национализмом, вплоть до прямого искажения смысла источников, не говоря уже об их выборочном использовании и тенденциозной оценке.

Некоторые сомнения вызывает заявленная во введении методологическая основа исследования. Взгляды Э. Хобсбаума, Б. Андерсона и Э. Смита на нацию как «продукт социального, политического и культурного конструирования» представлены чуть ли не как главная и единственная основа настоящего исследования (с. 13). Эта популярная теория, конечно, не лишена оснований, но никак не может быть признана универсальной, а крайнее увлечение ею обедняет исторические исследования и низводит их на уровень беспочвенного теоретизирования культурологического плана. Детальный анализ, проведенныйМ. Хрохом, убедительно доказал, что идеи Гелнера, Андерсона и Смита лишь отчасти приложимы к балканским реалиям, а многие положения этой теории вовсе не работают в истории юго-восточной Европы второй половины XIX-начале XX вв. В этом отношении показательны дискуссии в ходе трех конференций по теме балканского национализма в Новое время, проводившихся в последние годы Македонском университете Салоник (“BalkanWorlds”). Впрочем, чтение диссертации, к счастью, убедило меня в том, что теория Андерсона и Смита положена в основу только последней главы, но никак не всей работы, как было заявлено во введении.

Диссертант детально и с успехом анализирует церковно-политическую ситуацию внутри Сербии, оставляя за рамками работы те сербские территории, которые до 1912 г. не входили в состав государства. Между тем борьба за эти территории, проводившаяся путем организации сербских школ, поставления архиереев-сербов и формирования национального сознания прежде пассивного и индифферентного к национальным вопросам славянского населения Македонии и Старой Сербии, борьба, в которой сербы пользовались поддержкой русской дипломатии и прекрасно документированная материалами российских и зарубежных архивов,--является важнейшей составной частью истории сербской церкви и нации. Не вошел в работу и вопрос сербского присутствия на Св. Горе Афон—история «сербизации» Хилендарского монастыря в начале XX в. и превращения его в опорный пункт и символ сербской национальной идеи.

Недостаточно, на наш взгляд, проанализирован вопрос о византийских истоках идеи «Душановых заветов». Говоря о теории симфонии власти в Византии, следовало бы дать хотя бы краткое понятие о сущности этой идеи, ее реального функционирования в Средние века, со ссылкой на существующую литературу. Кроме того, хотелось бы видеть в диссертации эволюцию идеи Великой Сербии от государственного идеала Стефана Душана (который, кстати, мыслил себя вовсе не сербским кралем, а императором сербов и ромеев, сидящим на константинопольском престоле) к узконациональной идее Нового времени, основанной на этнической нетерпимости и превознесения собственной нации.

Наконец, исследование истории Сербской церкви в ее связи с развитием сербской национальной идеи много бы выиграло от сопоставления с параллельными процессами в других балканских странах. Автор лишь вскользь упоминает о «Великой Болгарии» и греческой «Великой идее». Между тем эти соперничающие идеологии, имевшие вполне практическое приложение в борьбе как дипломатическими методами, так и силой оружия, родственны процессам, происходившим в Сербии.

В диссертации мною были замечено значительное число недочетов технического характера: это грамматические несогласования, а также многочисленные сербизмы в русском авторском тексте, например:стенографские записи (с. 17); сербская делегация в конце июля 1919 г. прибыла в Цариград (вместо принятого в русской историографии «Константинополь», с. 51); епархийские архиереи (вместо «епархиальные», с. 54); на челу церкви находилась новая иерархия (с. 173) и т. д. В оценке политических событий Ю. В. Колиненко порой остается под обаянием своих источников. Например, на с. 28 она пишет: «образованный в 1870/1872 гг. «автокефальный» Болгарский экзархат был предан схизме». Во-первых, кавычки здесь могли стоять только в тексте, вышедшем из-под пера греческого или сербского, но никак не русского автора; во-вторых, Болгарский экзархат был образован в 1870, а не в 1870-72 гг. В-третьих, непонятно кем он был предан схизме—одним словом, здесь требуются пояснения, учитывающие позицию России в болгарском вопросе.

В диссертации используются многочисленные сокращения, а список этих сокращений в конце текста не приводится, что затрудняет чтение.

Несмотря на указанные недостатки, работа Ю. В. Колиненко, несомненно, достойна наивысшей оценки. Появление работы следует приветствовать еще и потому, что она является важным шагом к развенчанию историографических и политических мифов, а также к созданию подлинно научной, свободной от тенденциозности истории Балкан и балканских церквей в Новое время. После исправления недочетов технического характера и включения в нее материалов из Архива внешней политики Российской империи диссертация должна быть опубликована в виде монографии.

Автореферат диссертации и опубликованные статьи (в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК) полностью раскрывают содержание диссертации и отражают научную новизну работы. Таким образом, диссертационное исследование Ю. В. Колиненко«Сербская православная церковь в 1878-1920 гг.: национальная идеология и политическая практика», полностью соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней № 842 от 24.09.2013 г.». Не вызывает сомнений,

что автору диссертации следует присвоить степень кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 «Всеобщая история».

Ведущий научный сотрудник отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН, д. и. н.

Лора Александровна Герд

Адрес: Федеральное государственное научное бюджетное учреждение Санкт-Петербургский институт истории РАН

197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская д. 7

Тел. (812)2351580

e-mail: Loragerd@gmail.com

14.03.2017.